

Д. Лёббок

Начало цивилизации

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д11

Д11 **Д. Лёббок**
Начало цивилизации / Д. Лёббок – М.: Книга по Требованию, 2021. – 352 с.

ISBN 978-5-458-15432-1

Начало цивилизации. Перевод с английского. Приложение к журналу "Знание" сэра Джона Лёббока 1875 г.

ISBN 978-5-458-15432-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Многія другія сочиненія, изъ числа которыхъ я долженъ въ особенности указать на *Geschichte der Amerikanischen Urreligionen* Миллера, *Primitive Marriage* М'Леннана и *Das Mutterrecht* Бахофена, разрабатываютъ только нѣкоторыя частныя стороны нашего предмета. Интересное же сочиненіе Мена *Ancient Law* рассматриваетъ человѣка на степени развитія уже болѣе высокой, чѣмъ та, которой спеціально касается мое сочиненіе.

Планъ, которому слѣдуетъ Тэйлоръ въ своемъ замѣчательномъ трудѣ *Early History of Mankind*, ближе всего подходитъ въ тому, который я предназначалъ для себя; но разрабатываемый нами предметъ таковъ, что два человѣка не могутъ смотрѣть на него совершенно одинаковыми глазами, и въ тоже время онъ такъ обширенъ, что мой другъ, безъ сомнѣнія, не посѣтуетъ на меня за мое вторженіе въ ту область, въ которой онъ такъ много сдѣлалъ, что можетъ назвать ее вполне своею.

Не могу не указать еще на *History of Man* лорда Кемса и на *Esprit des lois* Монтескье; оба эти сочиненія представляютъ большой интересъ, хотя и написаны въ то время, когда наше знаніе о дикихъ племенахъ было еще болѣе несовершенно, чѣмъ теперь.

Матеріалы для подобнаго труда въ настоящее время громадны и возрастаютъ ежедневно; число интересующихся этимъ предметомъ также увеличивается съ каждымъ годомъ. Конечно, никто изъ моихъ читателей не сознаетъ яснѣ меня моихъ недостатковъ, однакоже послѣ десятилѣтняго изученія я рѣшился издать эту часть моего труда, въ надеждѣ, что онъ хотя нѣсколько подвинетъ впередъ науку, которая и сама по себѣ глубоко интересна и вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ особенную важность для такого государства, какъ наше, которое вмѣщаетъ въ себѣ племена, стоящія на всѣхъ ступеняхъ цивилизаціи, пройденныхъ человѣкомъ до настоящаго времени.

Дж. Л.

Февр. 1870.

ВВЕДЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Изученіе низшихъ человѣческихъ расъ, кромѣ непосредственной важности, какую мы указали выше, интересно еще по тремъ причинамъ. Впервыхъ, положеніе и обычаи современныхъ дикарей во многихъ, хотя и не во всѣхъ, отношеніяхъ походятъ на тѣ, какія были и у нашихъ предковъ въ давно прошедшія времена. Вовторыхъ, они выясняютъ многое изъ того, что совершается въ нашихъ современныхъ обществахъ, освѣщаютъ многіе обычаи, которые, очевидно, не находятся въ непосредственной связи съ нынѣ существующими обстоятельствами, и даже нѣкоторыя идеи, которыя уцѣлѣли въ насъ, подобно окаменѣlostямъ въ нѣдрахъ земли. Втретьихъ, съ помощью ихъ намъ легче, хотя до нѣкоторой степени, проникнуть туманъ, раздѣляющій наше настоящее отъ будущаго.

На самомъ дѣлѣ, низшія человѣческія расы въ различныхъ частяхъ свѣта представляютъ намъ образчики соціального положенія болѣе грубаго и болѣе первобытнаго, чѣмъ тѣ, о существованіи которыхъ у болѣе развитыхъ расъ сохранились какія бы то ни было историческія свидѣтельства. Даже у цивилизованныхъ народовъ мы находимъ слѣды варварства. Въ этомъ отношеніи поучителенъ не одинъ только языкъ; законы и обычаи также имѣютъ часто весьма отдаленное происхожденіе и содержатъ въ себѣ символы, представляющіе собою остатки прежде существовавшей дѣйствительности. Такъ, употребленіе каменныхъ ножей въ нѣкоторыхъ египетскихъ религіозныхъ обрядахъ указываетъ на время, когда народъ и въ обыденной жизни употреблялъ каменные орудія.

Подобно этому существовавшая у римлянъ форма брака посредствомъ покупки указываетъ на существованіе въ ихъ исторіи періода, когда они обыкновенно покупали женъ, какъ это дѣлается теперь у многихъ дикихъ племенъ. Такимъ же образомъ форма похищенія при бракосочетаніи можетъ быть объяснена только предположеніемъ, что похищеніе женъ было когда то суровою дѣйствительностью. Въ этихъ случаяхъ послѣдовательность явленій очевидна. Употребленіе каменныхъ ножей въ извѣстныхъ церемоніяхъ, безъ сомнѣнія, не есть дѣло придуманное или нововведенное, а просто случай переживания; точно также форма похищенія при бракѣ была сохранившимся остаткомъ прежней дѣйствительности, такъ какъ мы никакъ не можемъ предположить, чтобы, наоборотъ, дѣйствительность возникла изъ символа.

Кромѣ того, изученіе дикой жизни имѣетъ особенную важность для Англіи, составляющей великую державу, колоніи которой разсѣяны по вѣсьмъ частямъ свѣта и въ числѣ гражданъ которой есть люди, стоящіе на вѣсьхъ ступеняхъ цивилизаціи. Прекрасный примѣръ этого представляютъ англійскія индійскія владѣнія. «Мы изучили населеніе низменныхъ мѣстностей, говоритъ Гѣнтеръ (Hunter), такъ, какъ ни одни завоеватели никогда не изучали и не понимали покоренной расы. Ихъ исторія, ихъ обычаи и привычки, ихъ потребности, даже ихъ слабости и предрасудки хорошо извѣстны и составляютъ основаніе для тѣхъ политическихъ выводовъ, которые подъ названіемъ административной предусмотрительности и своевременныхъ реформъ идутъ навстрѣчу народнымъ движеніямъ. Остъ-Индійская компанія не жалѣла ни отличій, ни солидныхъ вознагражденій за всякія успѣшныя попытки для изученія народовъ, которыми она управляла...»

Практическій результатъ этого ясенъ теперь. Англійскіе администраторы понимаютъ арійское населеніе Индіи и почти совершенно не знаютъ не-арійскаго. Они знаютъ съ замѣчательною точностью, какъ извѣстная мѣра будетъ принята высшими или чисто арійскими слоями общества; они, хотя съ меньшею увѣренностью, могутъ предвидѣть также ея дѣйствіе на низшіе или полу-арійскіе классы, но рѣшительно не знаютъ и не осмѣливаются предсказывать результатовъ ея между не-арійскими племенами. Политическіе расчеты не возможны безъ знанія народа. Но зло этимъ не ограничивается. Пустое мѣсто, оставленное незнаніемъ, занимаетъ предрасудокъ и бѣдствіе не-арійскихъ племенъ состоитъ не только въ томъ, что ихъ не понимаютъ, но еще въ томъ, что ихъ понимаютъ въ превратномъ смыслѣ¹⁾.

¹⁾ Hunter, *Non-Aryan Languages of India*, p. 2.

Поэтому, какъ справедливо замѣчаетъ Менъ въ своемъ превосходномъ сочиненіи «Древнее право» (*Ancient Law*), «даже и въ томъ случаѣ, еслибы пришлось употребить гораздо болѣе труда, чѣмъ это дѣлается обыкновенно, и тогда не слѣдовало бы жалѣть никакихъ усилій для того, чтобы узнать зачатки, изъ которыхъ развились всѣ различныя формы нравственныхъ правилъ, контролирующіихъ наши дѣйствія и управляющихъ нашими поступками въ настоящее время. Тѣ свѣдѣнія, какія мы вообще можемъ имѣть о зачаткахъ общественнаго состоянія, почеркаются изъ трехъ источниковъ: изъ сообщеній современныхъ наблюдателей низшихъ цивилизацій, изъ преданій, сохранившихся у отдѣльныхъ племенъ объ ихъ первобытной исторіи и изъ изслѣдованій, древняго права. Первый источникъ есть наилучшій, какой только мы можемъ найти. Общества шли впередъ не однообразными, но различными путями прогресса; поэтому бывали эпохи, когда люди, привыкшіе къ тщательнымъ наблюденіямъ, имѣли возможность замѣчать и описывать дѣтское состояніе человѣчества» ¹⁾. Онъ въ особенности указываетъ Тацита, какъ писателя, который «превосходно воспользовался подобною возможностью», прибавляя при этомъ «что *Германія* Тацита не возбуждала въ другихъ желанія слѣдовать примѣру, подающему ея авторомъ, совершенно наоборотъ тому, что было съ другими знаменитыми классическими книгами, и что подобнаго рода наблюденій у насъ имѣется крайне мало».

Впрочемъ, послѣднее утвержденіе весьма далеко отъ истины; во всѣ времена находились «люди, привычныя къ методическому наблюденію, которые дѣйствительно имѣли возможность наблюдать и описывать дѣтское состояніе человѣчества», и свидѣтельства нашихъ современныхъ путешественниковъ относятся къ тому же роду указаній, какъ и свидѣтельства, которыми мы обязаны Тациту. И въ самомъ дѣлѣ нужно весьма пожалѣть о томъ, что Менъ въ своемъ превосходномъ сочиненіи недостаточно пользовался этого рода источниками, такъ какъ знакомство съ законами и обычаями современныхъ дикарей, вѣроятно, усилило бы его аргументы относительно нѣкоторыхъ сторонъ предмета и въ тоже время измѣнило бы его взгляды въ другихъ отношеніяхъ. Такъ напр., онъ высказываетъ какъ очевидное положеніе, что «организация первобытныхъ обществъ представляла бы значительную путаницу, еслибы родство считалось у нихъ только съ материнской стороны»; но далѣе мнѣ предстоитъ показать, что родство по женской

¹⁾ Maine, *Ancient Law*, p. 120.

линіи, какъ это уже было замѣчено Макъ-Леннаномъ, есть обычай, свойственный всѣмъ дикимъ обществамъ земнаго шара.

Хотя наши свѣдѣнія относительно общественнаго и нравственнаго состоянія низшихъ человѣческихъ расъ гораздо значительнѣе, чѣмъ предполагаетъ Менъ, но они, безъ сомнѣнія, еще весьма недостаточны какъ въ отношеніи обширности, такъ и въ отношеніи точности. Путешественникамъ, естественно, гораздо легче описывать жилища, суда, пищу, одежду, оружіе и утварь дикарей, чѣмъ понимать ихъ мысли и чувства. Весь умственный строй дикаря до такой степени отличается отъ нашего, что часто бываетъ чрезвычайно трудно прослѣдить, что происходитъ въ его умѣ, или понять мотивы, руководящія его дѣйствіями. Многое изъ того, что кажется ему совершенно естественнымъ и почти очевиднымъ, на насъ производитъ совершенно иное впечатлѣніе. «Неужели же мнѣ умирать съ голоду, — сказала одинъ негръ Бѣртону, — когда у моей сестры есть дѣти, которыхъ она можетъ продать?»

У дикарей, правда, всегда бываетъ какое либо основаніе, по которому они дѣйствуютъ или думаютъ, но оно часто является крайне нелѣпнымъ. Къ тому же трудность объясняться съ ними дѣлаетъ еще менѣе доступнымъ пониманіе того, что происходитъ въ ихъ умѣ. Это обстоятельство породило много весьма забавныхъ ошибокъ. Такъ, когда Лабиллардьеръ спросилъ у жителей острововъ Товарищества названіе 1,000,000, имъ этотъ вопросъ оказался нелѣпнымъ, и они отвѣтили ему словомъ, которое не имѣло никакого значенія; когда онъ спросилъ, какъ на ихъ языкѣ 10,000,000, они отвѣчали ему: «laolal», чего я объяснить не стану; для 100,000,000 они сказали «laouloa», что значитъ «безсмыслица»; для цифръ, стоящихъ еще выше въ нумераціи, они снабдили его различными грубыми выраженіями, которыя онъ глупокомысленно помѣстилъ въ своей таблицѣ чиселъ.

Ошибка, сдѣланная Дампьеромъ, повела къ болѣе серьезнымъ результатамъ. Однажды онъ встрѣтилъ нѣсколькихъ австралийцевъ и, опасаясь нападенія со стороны ихъ, поступилъ слѣдующимъ образомъ: «Чтобъ испугать ихъ, я выстрѣлилъ, — говоритъ онъ, — но такъ, что выстрѣлъ никого изъ нихъ не ранилъ; видя одного изъ моихъ молодыхъ людей въ большой опасности и себя въ меньшей и замѣтивъ, что хотя ружье вначалѣ нѣсколько и устрасило ихъ, но что *вскорѣ они стали относиться къ нему съ презрѣніемъ*, и, поднявши руки къверху, кричали «пу, пу, пу!» и стали приближаться еще съ большимъ шумомъ, я рѣшилъ, что пора дать второй выстрѣлъ, которымъ и убилъ одного изъ нихъ. Остальные, видя, что онъ унаглъ, остановились; мой

юноша воспользовался этимъ случаемъ, освободился отъ нихъ и бросился ко мнѣ; мой другой человекъ былъ тутъ же со мною, но ничего не могъ сдѣлать, такъ какъ не былъ вооруженъ; тогда я вернулся назадъ съ моими людьми, и рѣшился оставить туземцевъ въ покоѣ, крайне огорченный тѣмъ, что уже случилось¹⁾. А между тѣмъ «пу» или «пуфъ» есть просто названіе ружья, которое дикари, подобно дѣтямъ, даютъ этому оружію.

Другой источникъ заблужденій заключается въ томъ, что дикари часто не любятъ противорѣчить тому, что имъ говорятъ. Такъ, напр., Олدفилдъ²⁾, говоря объ австраійцахъ, рассказываетъ слѣдующее: «Это нежеланіе противорѣчить много мѣшало моимъ изслѣдованіямъ о нихъ; я былъ мало знакомъ съ ихъ нарѣчіемъ и могъ доискиваться нѣкоторыхъ объясненій, только предлагая непосредственные вопросы, на которые они тотчасъ же отвѣчали утвердительно, такъ что часто я никакъ не могъ добраться до истины. Одинъ разъ туземецъ принесъ мнѣ нѣсколько экземпляровъ особаго вида *Eucalyptus*, и я, желая узнать, какой внѣшній видъ имѣетъ это растеніе, спросилъ: «Высокое дерево?» на что онъ мнѣ тотчасъ же отвѣчалъ утвердительно. Недостаточно удовлетворенный отвѣтомъ, я снова спросилъ: «Низкій кустарникъ?» и на этотъ вопросъ также получилъ въ отвѣтъ «да».

Кромѣ того, умъ дикаря, подобно уму ребенка, легко утомляется и тогда, чтобъ избавить себя отъ умственной работы, онъ начинаетъ отвѣчать, что попало. Рассказывая объ атакахъ (Ahts) (въ Сѣверо-Западной Америкѣ), Спроатъ (Sprcoat)³⁾ говоритъ: «Умъ туземца вообще представляется образованному человѣку какъ бы дремлющимъ; если вы вдругъ предложите ему новый вопросъ, вамъ придется повторить его нѣсколько разъ, пока мысль дикаря не пробудится, и говорить ему къ можно выразительнѣе до тѣхъ поръ, пока онъ совершенно не пойметъ вашей мысли. Это отчасти можетъ происходить отъ того, что предлагающій вопросы недостаточно владѣетъ мѣстнымъ языкомъ; но я думаю, что тутъ должна быть и другая причина, потому что мнѣ случалось наблюдать какъ дикарь, охотно дававшій объясненія, вдругъ становится разбѣяннымъ. Когда его вниманіе возбуждено вполне, онъ часто выказываетъ большую живость въ отвѣтахъ и остроуміе въ аргументахъ. Но краткій разговоръ уже утомляетъ его, особенно если предложенные вопросы требуютъ съ его стороны усилія мысли или памяти. Тогда умъ дикаря, единственно

¹⁾ Pinkerton's Voyages, vol. XI, p. 473.

²⁾ *Trans. Ethn. Soc. N. Sr.*, vol. III, p. 255.

³⁾ *Scenes and studies of savage Life*, p. 120.

вслѣдствіе утомленія, кажется какъ бы блуждающимъ; онъ начинаетъ лгать и говорить безсмыслицы».

«Я часто спрашивалъ у негровъ, — говоритъ Паркъ — куда дѣвается солнце во время ночи, и увидимъ ли мы утромъ то же самое солнце или другое; но оказывалось, что они считали этотъ вопросъ совершенно ребяческимъ. Этотъ предметъ представлялся имъ недосыгаемымъ для человѣческаго изслѣдованія; они никогда не дѣлали ни одной догадки, не составляли ни одного предположенія по этому поводу» ¹⁾.

Подобнаго рода идеи дѣйствительно превышаютъ умственный уровень грубыхъ дикарей, стоящій такъ низко, что намъ весьма трудно составить себѣ понятіе о немъ.

Разсказывая о дикаряхъ внутренней части Борнео, Дальтонъ ²⁾ говоритъ, что они живутъ «въ совершенно первобытномъ состояніи: они не обрабатываютъ землю и не помѣщаются въ какихъ либо хижинахъ, они не употребляютъ въ пищу ни рису, ни соли, не соединяются въ общества, но бродятъ по лѣсамъ, какъ дикіе звѣри; лица обоюго пола живутъ вмѣстѣ въ заросляхъ, или иногда мужчина похищаетъ женщину изъ какого нибудь кампюнга. Когда дѣти настолько подростутъ, что могутъ сами заботиться о себѣ, они обыкновенно расстаются съ родителями, не думая потомъ другъ о другѣ. Ночью они спятъ подѣ нависшими вѣтвями какого нибудь огромнаго дерева; тамъ они привѣшиваютъ дѣтей въ особеннаго рода люлькахъ; вокругъ дерева они разводятъ огонь для предохраненія отъ змѣй и дикихъ звѣрей; себя и своихъ дѣтей они покрываютъ мягкой и теплой корой, которая, впрочемъ, не защищаетъ ихъ отъ дождя. Другіе даяги обращаются съ этими несчастными существами какъ съ дикими звѣрями.»

Лихтенштейнъ, описывая бушмена, говоритъ, что онъ представлялъ «совершенное подобіе маленькой сѣрвовой обезьяны, водящейся въ землѣ кафровъ. Это сходство усиливалось еще болѣе живостью его глазъ и подвижностью его бровей... Его ноздри, углы рта, даже самыя уши двигались произвольно... Напротивъ того, во всей его фигурѣ не было ни одной черты, которая выражала бы сознательную сторону его умственныхъ способностей» ³⁾.

При такихъ условіяхъ весьма естественно мы должны получать самыя разнорѣчивыя показанія относительно характера умственнаго

¹⁾ Park, *Travels*, vol. I, p. 265.

²⁾ Moor, *Notices of the Indian Archipelago*, p. 49. См. также Kerppel, *Expédition to Borneo*, vol. II, p. 10.

³⁾ Lichtenstein, vol. II, p. 224.

состоянія дикарей. Тѣмъ неменѣе, сравнивая между собою описанія различныхъ путешественниковъ, мы можемъ въ большинствѣ случаевъ устранить этотъ источникъ заблужденій; при этомъ нашъ трудъ весьма облегчается замѣчательнымъ сходствомъ, существующимъ между различными расами. На самомъ дѣлѣ оно такъ разительно, что различныя расы, стоящія на одинаковой ступени развитія, нерѣдко представляютъ больше сходственныхъ чертъ, чѣмъ одна и та же раса въ различные періоды своей исторіи.

Въ дѣйствительности, многія идеи, которыя съ перваго взгляда кажутся намъ необъяснимыми и фантастическими, тѣмъ неменѣе имѣютъ значительное распространеніе. Такъ напр., у многихъ племенъ женщинѣ безусловно запрещено говорить съ своимъ зятемъ. Франклинъ ¹⁾ рассказываетъ, что на дальнемъ сѣверѣ между американскими индѣйцами «считается чрезвычайно неприличнымъ для тещи не только говорить съ зятемъ, но даже смотрѣть на него; а когда ей необходимо что нибудь передать ему, этикетъ требуетъ, чтобы она повернулась къ нему спиною и говорила съ нимъ лишь чрезъ посредство третьяго лица».

Далѣе къ югу у омагавовъ ни тесть, ни теща не могутъ имѣть никакого прямого сношенія съ своимъ зятемъ; и онъ въ свою очередь ни въ какомъ случаѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ не станетъ говорить съ ними прямо, хотя бы между ними и не существовало никакого недоброжелательства; въ обществѣ они ни подъ какимъ видомъ не назовутъ другъ друга по именамъ и не посмотрятъ другъ другу въ лицо; всякій разговоръ, происходящій между ними, ведется черезъ «посредство кого либо другого» ²⁾.

По словамъ Германа, такой же обычай господствуетъ и между индѣйцами на западѣ Скалистыхъ горъ.

Бегертъ ³⁾ рассказываетъ, что у калифорнскихъ индѣйцевъ «зятю не дозволяется нѣкоторое время смотрѣть въ лицо своей тещѣ и ближайшимъ родственникамъ своей жены; и онъ долженъ уходить или скрываться, когда являются эти женщины».

Лафито ⁴⁾ подтверждаетъ тоже самое относительно всѣхъ индѣйцевъ Сѣверной Америки. Мы находимъ это правило между кріями и докатами, а также и во Флоридѣ. Рошфоръ нашель тоже у карабовъ; этотъ же обычай встрѣчается и у араваковъ въ Южной Америкѣ.

¹⁾ *Journey to the Shores of the Polar Sea*, vol. I, p. 137.

²⁾ James, *Expedition to the Rocky Mountains*, vol. I, p. 232.

³⁾ *Account of California*, 1773. Англійскій перев. К. Pay, въ *Smithsonian Rep.* for 1863—4, p. 368.

⁴⁾ *Moeurs des Sauvages Américains*, vol. I, p. 576.

Въ Азіи у монголовъ и калмыковъ женщина не можетъ ни сидѣть въ присутствіи своего свекра, ни говорить съ нимъ. У сибирскихъ остяговъ ¹⁾ «дѣвушка, вышедшая замужъ, всячески избѣгаетъ присутствія своего свекра, до тѣхъ поръ пока у нея нѣтъ дѣтей; и мужъ ея въ теченіе этого же времени не осмѣливается являться къ своей тещѣ. Если они встрѣтятся случайно, мужъ поворачивается спиной, а теща закрываетъ лицо. Остяки не даютъ именъ своимъ дочерямъ; когда они вышли замужъ, мужчины просто называютъ ихъ *ими*, женщины. Женщины изъ уваженія къ своимъ мужьямъ не называютъ ихъ по именамъ; они употребляютъ слово *таге*, мужчина».

Дюбуа упоминаетъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Индостана «женщинѣ не позволено говорить съ своею свекровью. Когда та ей что нибудь приказываетъ, она выражаетъ свое согласіе только знаками» — мѣра, замѣчаетъ онъ саркастически, «весьма пригодная для сохраненія домашняго спокойствія» ²⁾.

Въ Китаѣ, по свидѣтельству Дьюгальда, свекоръ послѣ свадьбы «никогда уже не видитъ лица своей невестки; никогда не приходитъ къ ней», и прячется, если они встрѣтятся случайно ³⁾. Подобный же обычай господствуетъ на о. Борнео и на островахъ Фиджи. Въ Австраліи, по свидѣтельству Эйра, никто не долженъ произносить имени своего свекра, свекрови и зятя.

Въ средней Африкѣ — замѣчаетъ Калье ⁴⁾ — «съ этой минуты влюбленный уже не долженъ видѣться съ отцемъ и матерью будущей невесты; онъ всячески старается не встрѣчаться съ ними, а если они печально увидятъ его, они закрываютъ свои лица, какъ будто всё узлы дружбы между ними совершенно порваны. Я напрасно старался открыть начало этого страннаго обычая; единственный отвѣтъ, котораго я могъ добиться былъ: «Такъ у насъ водится». Этотъ обычай распространяется и на постороннихъ; такъ напр., если женихъ изъ другого селенія, онъ избѣгаетъ всѣхъ обитателей селенія своей невесты, исключая нѣсколькихъ самыхъ близкихъ друзей, которыхъ ему позволено посѣщать. Обыкновенно для него раскладываютъ маленькую падапку, въ которой онъ остается цѣлый день; если ему необходимо выйти или пройти черезъ селеніе, онъ закрываетъ себѣ лицо. Ему не позволено видѣть невесту

¹⁾ Pallas, vol. IV, pp. 71, 577. Онъ дѣлаетъ тоже замѣчаніе и относительно Самоѣдовъ, loc. cit., p. 99.

²⁾ *On the people of India*, p. 235.

³⁾ Astley, *Collection of Voyages*, vol. IV, p. 91.

⁴⁾ Caillié, *Travels to Timbuctoo*, vol. I, p. 94.